

МАСТЕРСКАЯ

Евграф КОНЧИН

Разговор с Федором Денисовичем Константиновым, народным художником России, членом-корреспондентом Российской академии художеств, начался несколько неожиданно. Когда я сказал о том, что в газете есть специальная рубрика "Наш Пушкин", он резко запротестовал:

— Сейчас стало модным с легкостью необыкновенной говорить "Наш Пушкин". Очень это свойственно актерам, поэтам, художникам. Не приемлю таких заявлений, как "я так думаю о Пушкине" или "я так представляю Пушкина". Я же как художник должен абсолютно точно следовать замыслу и тексту поэта, без всякой отсебятины...

— Но у Марины Цветаевой есть же "Мой Пушкин".

— Может быть, она — единственная, кто имел на это право... Говорить о Пушкине как будто бы и легко, но в то же время почти невозможно. Невозможно потому, что этому разговору нет конца. Сколько уже написано и сказано о нем! И все-таки сколько бы ни старались люди — так и не передать всей полноты значения Пушкина. Даже оценка, данная Гоголем, полная истинного понимания пушкинского гения и преклонения перед ним, теперь выглядит незавершенной. "Пушкин, — писал он, — чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет". Но явится ли?..

...Худощавый, подвижный, острый на язык, резкий и прямой в своих суждениях, подчас максималистских требованиях к искусству, людям, к себе самому, Константинов неистов в жизни, в увлечениях, в работе. Он знает сегодняшнюю художественную жизнь и болезненно реагирует на бурный поток западных "измов", захлестывающий наше искусство. Никак не скажешь, что ему уже 87-й год. Родился он в бедной крестьянской семье близ Зарайска Московской области. Рано потерял отца. Воспитывался у дедушки и бабушки. В 1919 году они умерли от голода и тифа. Начались его "университеты". Попадает в московскую колонию "Лиги спасения детей". Ее директором был образованнейший и замечательный человек — Наталья Ивановна Воронцова-Дашкова — из древнего княжеского рода. Она и привила бывшему беспризорнику любовь к Пушкину. Именно тогда Федя Константинов сделал первые акварельные иллюстрации к "Руслану и Людмиле" и "Сказке о золотой рыбке". Детские эти работы до сих пор хранятся у художника.

Огромный талант и труд сделали Константинова классиком отечественного графического искусства. Его тематический и образный диапазон огромен. Творческое наследие неизмеримо. Им создано столько произведений, что их не уместить ни в одну книгу, монографию или альбом. Он иллюстрировал Достоевского, Лермонтова, Тургенева, Тютчева, Фета, Блока, Есенина, Данте, Шекспира, Сервантеса, Шиллера, Чосера, Шарля де Костера, Байрона, Гюго, Мицкевича, Твена...

Но я пришел к "его Пушкину", хотя он и не приемлет такого личностного отноше-

Какая сила в нем сокрыта!

Культура. — 1997. — 17 апр. — С. 10

Ф. Константинов. Иллюстрация к поэме А. С. Пушкина "Евгений Онегин"

ния к поэту. Хочет он или нет, но существует Пушкин Константинова. Он открыл нам Пушкина по-своему, своим самобытным, могучим графическим языком. Его смелый, сочный и выразительный штрих можно сразу отличить на любой выставке, в любом самом именитом соседстве, настолько он индивидуален. Отличить по напряженному контрастному, черно-белому полю, по драматическим образам.

Еще в 1936 году он выгравировал первый портрет Пушкина. Теперь их уже двенадцать, созданных в разное время. А в 1949 году он с несколькими художниками во главе с Фаворским принял участие в иллюстрировании трехтомной "Лирики" поэта. Его гравюры были встречены благосклонно, они неоднократно показывались на выставках.

— Тогда я понял, что именно гравюра необычайно совпадает с тональностью пушкинского стиха. Ибо насколько мелодичен, музыкален пушкинский стих, настолько певучи и упруги линии гравюры. Ее черное и белое при всей их контрастности и утонченности переходят одно в другое — разве не самое точное мерило света и тьмы, добра и зла, любви и ненависти в необыкновенно живом поэтическом микросмосе Пушкина...

В 1949—1950 годах Константинов иллюстрирует "Евгения Онегина", затем "Капитанскую дочку", "Маленькие трагедии", "Полтаву". Но этапной работой стали иллюстрации к "Медному всаднику", созданные в 1973—1975 годах.

— Как я после Бенуа взялся делать эту книгу? По-моему, Бенуа все же решил ее во многом бытово, отступая от точного пушкинского изображения Петра и Петербурга. По-моему же, в классике, будь то стихи или архитектура, волевой трактовок быть не должно. И сам Пушкин прежде всего этого не допускал.

— Но каждый художник, иллюстрируя, например, "Медного всадника", делает

"Каменный гость"

"Моцарт и Сальери"

это, волюн или неволю, по-своему. В полной мере это относится и к вашей работе...

— Конечно, я свободно изобразил Петра, Евгения, Петербург, наводнение и самого Пушкина. Но, подчеркиваю, — идя от Пушкина же. Ныне много развелось любителей изображать классические вещи, как "я это вижу", "я это понимаю или чувствую". В работе над "Медным всадником" мое "я" имело место постольку, поскольку оно должно было изобразить самого Пушкина, его время, его мысли, идеи, образы. В своих иллюстрациях к поэме я не стал давать бытовые, жанровые сцены, они вводили бы от главного конфликта произведения: власть — личность — народ. Я стремился показать не отдельные строки, а дать в гравюрах обобщенные образы. Я стремился передать в ритме, в монументальности изображений трагизм и обреченность этого конфликта.

— "Маленькие трагедии" иллюстрировал ваш учитель Фаворский. Как вы здесь с ним разошлись?

— Умнейший, мудрейший и образованнейший человек и художник — философ Владимир Андреевич воспринимал "Маленькие трагедии" как кубок, наполненный страстями, необузданными желания-

ми — "громокипящий кубок", по выражению Тютчева. Он изобразил события несколько отстраненно, как бы с позиций историка. Я же в своих гравюрах стал как бы участником пира во время чумы. И даже приглашаю читателей присоединиться к нам.

Размышления Федора Денисовича о Пушкине можно слушать часами, настолько они глубоки, остры и неординарны. Но когда я спросил его о том, что он готовит к юбилею поэта, то получил горестный ответ.

— А кому это нужно?

Уже десять лет Федор Денисович не получает никаких заказов. Его гравюры, не только пушкинские, остаются невостребованными. Издательства, с которыми Константинов десятилетиями сотрудничал, перешли на коммерческие издания или впадают жалкое существование. Они не имеют средств не только заказать новые гравюры, но и переиздать ранее исполненные. Страшно было услышать о том, что переданные в свое время в издательства иллюстрации к книгам Гоголя, Толстого, Сервантеса, Данте — десятки и десятки великолепных листов, годы и годы труда Федора Денисовича, погибли. Пропало более ста гравюр, предназначенных для сборника сочинений Лермонтова. Правда, кое-где в провинции переиздаются книги с иллюстрациями Константинова, но без его разрешения и соответствующей оплаты, что является нарушением авторского права.

Не закупает работы художника и Министерство культуры. Хотя, по-моему, вполне могло бы поддержать прославленного мастера. Не приобретают листы и обнищавшие музеи, которые раньше считали за честь их представлять в своих экспозициях. В прошлом году в Москве и других городах состоялось пять персональных выставок работ Федора Денисовича, но на них не было закуплено ни единого листа. А затраты на их проведение были весьма значительны. Поэтому Константинов не хочет больше их устраивать — нет в этом никакого смысла. Живет-то он на пенсию, которой, естественно, ему не хватает на содержание большой семьи, на покупку необходимых материалов — холстов, картона, красок, рам. И тем более — на оплату дорогостоящей аренды мастерской. С недоумением я услышал о том, что знаменитый мастер не имеет никаких льгот на ее содержание. Хлопотал об этом для своих членов Союза художников России — хлопотал, но кажется, впустую. Хотя, постойте, я здесь не совсем точен. Откликнулись... угрозой отобрать у художника мастерскую и вселить туда коммерческую фирму.

Отдохновение от московских хлопот, бед и неурядиц Федор Денисович находит на родине — в Зарайске, куда он уезжает летом. Здесь его хорошо знают и любят. Он — почетный гражданин города. Его гравюры украшают экспозицию местного музея. Но городские власти могли бы сейчас более существенно поддержать прославленного земляка. Хотя бы помочь ему в достройке дома. Тем более что со временем, уверен, он превратится в музей Федора Денисовича Константинова, один из достопамятных персональных музеев в России.